

УДК 342.228

В.М. КАПИЦЫН, д.полит.н., профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 52, 2-й учебный корпус
Электронный адрес: kapizin@yandex.ru

СИМВОЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Цель статьи – исследование символической системы общества, конституционализации национальных интересов, включения символов в политику и конституционное право. Актуальность проблемы просматривается в рассуждении А. Турена: «Если в прошлом столетии наши усилия по изменению мира были направлены главным образом на природу, то действия наших новых властей влияют большей частью на человека... сейчас мы воздействуем на культуру, личность, индивидуальность, тело и разум человеческих существ и влияем тем самым на ценности и нормы...» [26, с. 51].

Автор рассматривает символическую систему, ее элементы: партикулярные статусные символы, жизнесферные ценности, национальную идею, государственные символы, Конституцию. Символическая политика играет важную роль в достижении необходимого соотношения национальных и универсальных символов, умеренном внедрении символа прав человека и конституционализации национальных интересов.

Ключевые слова: конституционализация; национальные интересы; символы; жизнесферные ценности; жизнесферные институты; государственные символы

По проблематике символов писали классики (Дж. Вико, Э. Кассирер, Г. Гивс, А. Лосев, П. Флоренский, А. Уайтхед, А. Шюц и др.) и современные ученые (В. Баранов, Н. Вопленко, М. Давыдова, З. Капустина, О. Кармадонов, Д. Мисюрюв, А. Никитин, Г. Туник и др.). В качестве теорий и методов исследования применяются неoinституционализм, конструктивизм, символический интеракционизм, идентификационный, сравнительно-правовой, системный подходы. В основе рабочей гипотезы лежат тезисы: 1) торжество позитивных символов способствует конституционализации национальных интересов, укрепляют конституционный строй; 2) необходима политика продвижения таких позитивных символов.

Люди и символы

Люди наделяют символическими смыслами идеи, события, персоны, включают символы в политические и правовые системы. Можно оттолкнуться от расширенного понятия «символ» как принимаемых индивидом или группой религиозных, морально-политических, идеологических святынь, идей, идеалов, принципов, ценностей [23, с. 30]. Символы возникают при знаковом усилении образов (идей, информации) по объему и частоте демонстрации, наглядности, суггестивности, динамике стереотипизации и комбинирования в общественном сознании.

По своему составу символ – совокупность знаковых, смысловых и вспомогательных элементов: а) образ, переходящий в знак, выраженный, в том числе, в действии (обряде, церемонии); б) идея (миф) о смыслах как ценностной основе превращения образа (знака) в символ; нередко сочетается с метафорой; в) носители образа (материальные, субстанциональные, виртуальные, ментальные). А.Ф. Лосев отмечал сбалансированность как черту символа: «В противоположность схеме и аллегории мы тут находим полное равновесие между “внутренним” и “внешним”, “идеей” и “образом”, “идеальным” и “реальным”» [13, с. 40]. Такой баланс позволяет конструировать социальную легитимность символов с помощью принципов и норм.

Символы национальных интересов – социальные конструкторы, способствующие солидарности, ориентации значительного числа соотечественников на принятие ценностей в качестве общих, мотивирующих разные социальные группы на поддержание безопасности личности, общества и государства. Они включаются в национально-государственный дискурс как закрепившийся в языке способ видения мира и упорядочения действительности.

Конституционализация национальных интересов означает не только институционализацию – формирование конституционных принципов и норм. Она включает в себя также: 1) артикуляцию нормативно-ценностной основы («общественного договора»), сочетающей народный и государственный суверенитет, что закрепляется как юридическое значение конституции в иерархии фундаментальных ценностей, конституционных принципов и норм; 2) гласный поиск социальных компромиссов на основе сочетания общественных и партикулярных (корпоративных, индивидуальных, этнических, региональных) интересов, что выражается как политическое значение конституции; 3) интерпретацию универсальных, национальных и локальных знаков, раскрывающих «внешние» и «внутренние» аспекты государственного суверенитета, международную правосубъектность и внутривнутриполитическую состоятельность государства.

В идеале (при соответствующей политике) символы, а также идентичности, сопровождающие восприятие символов, помогают конституционализации национальных интересов. Получая общественно-государственное значение, они соединяются с национальной идеей, встраиваются в определенную иерархию смыслов, общую для данной нации. Такое конструирование выражает траекторию позитивного национального развития, интегрирует уровни символической «пирамиды». Если знаки артикулируются элитой, принимаются насе-

лением, поддержаны идеологически, институционально, то становятся позитивными национальными символами, выражают ценностный код нации.

Истоки символизации

Символы функционируют на всех уровнях институционализации национальных интересов как: а) партикулярные статусные символы (индивидуальные, корпоративные, семейные, карьерные); б) национальные символы-добродетели, аккумулирующие ценности данного народа; в) конституции и официальные государственные символы. Конституционализация национальных интересов включает в себя элементы символьной политики, артикулирующей и агрегирующей символы, поддерживающей их иерархию.

Символизация национальных интересов передается, например, в интерпретации смыслов монумента 1000-летия российского государства (Великий Новгород). Фундаментальные ценности России XIX в. (народность, самодержавие, православие) [5, с. 3-4] выражены в образе большого колокола. В нижнем ярусе колокола – символ народа (множество фигурок людей разных сословий). В среднем ярусе – образы государственных деятелей, отражающих шесть событий российской истории на фоне шара-державы – символа самодержавия. В верхнем ярусе – крест с образами Ангела и коленопреклоненной женщины. Интерпретация такого комплекса знаков помогает определить истоки национальных символов, судить о содержании и структуре конституционализации национальных интересов.

Национальное символотворчество предполагает «народную» базу символизации, привязанную к основным жизненным сферам, а именно: территориально-пространственной (территория, природа), естественно-антропологической (телесность, жизнь, быт), духовно-культурной (миф, религия, история), агентно-профессиональной (труд, предпринимательство, достижения хозяйства). Такие «привязки» направляют формирование местного патриотизма – комплекса чувств и ценностных ориентаций, усиливающих позитивное восприятие национальных интересов в контексте повседневной жизни. Это влияет на формирование местного самоуправления, гражданства, гражданского общества.

В этих жизненных сферах для воспроизводства ценностей (символов, идентичностей) порождаются социальные институты, подготавливающие символотворчество и конституционализацию национальных интересов. К таким институтам, формирующим «воображаемые сообщества», мы, вслед за Б. Андерсоном, относим географическую карту, перепись населения, музеев, школу, газету, книгу на государственном языке [1]. Добавим к этому перечню местные сообщества, семью, церковный приход, электронные СМИ, выставки достижений хозяйства, социальную и торговую рекламу. Эти институты соотносятся с основными жизненными сферами, открывают подходы к пониманию национальных интересов.

В территориально-пространственной сфере *географическая карта* влияет на представление местных и общих территориальных интересов, формирует не только образы целостной территории государства, но и разных мест (знаки «малой родины»), конкретизируемые в локальных картах, земельных када-

страх, кадастровых реестрах [3, с. 11], изображениях географических объектов регионов.

В естественно-антропологическом аспекте в качестве таких институтов выступают *семья, местное сообщество, переписи населения, записи актов гражданского состояния, регистрация места жительства и пребывания*, фиксирующие демографические и этнические пропорции, связь людей и мест. Они порождают символы, интегрирующие этноантропологические черты в комплексе идентичностей и символов местных сообществ, включаются в общие символы гражданской (политической) нации.

В духовно-культурной сфере оживляются события истории и культуры, охраняются ценности, национальные языки. Особую роль играют *музеи, архивы, церковь и церковные приходы, школа, газеты, книги, СМИ, театр, кино*. С помощью них обеспечивается охрана культурных ценностей, артикуляция и легитимация национальных интересов, отличимых от интересов других государств. *Музей* – универсальный институт, поддерживающий ценности всех жизненных сфер [21, с. 217-221], но особенно важны краеведческие и исторические музеи [18], поддерживающие исторический нарратив, мифы местных и региональных общностей, духовные символы нации.

В агентно-профессиональном плане для символизации важны *достижения народного хозяйства*: ремесел, промышленности, науки, техники, управления, спорта, медицины. Так, освоение космоса порождало символы, поддерживавшие гордость за СССР (изображения Ю. Гагарина, кораблей «Восток», «Восход», станции «Мир», павильон «Космос» на ВДНХ, памятник покорителям космоса на площади Гагарина в Москве). Достижения воспринимались как выражения успехов трудящихся. Их обобщенным символом (и страны в целом) выступали серп и молот (в государственном гербе и флаге СССР, монументе «Рабочий и колхозница» и т.п.)¹.

От жизнесферных символов – к национальным интересам

Как соединяется жизнесферная партикулярная символика с национально-государственными символами? Упомянутые институты (карты, переписи и т.д.) помогают воспроизводить жизнесферные ценности и поддерживать системные символы-добродетели [9]. Последние вкупе с национальной идеей соединяют партикулярные статусные символы с государственными символами. Важную роль играет государственная и местная символическая политика, выстраивающая множество символических форм в национальную систему.

В жизненных сферах, помимо партикулярных статусных символов, формируются и поддерживаются жизнесферные ценности. В качестве послед-

¹ В 1990-е гг. деградировал ряд отечественных символов. Отремонтированный монумент В. Мухиной «Рабочий и колхозница» нельзя было возвращать на ВДНХ (Всероссийский выставочный центр), так как наполнение последней перестало соответствовать символу. Павильон ВДНХ с вывеской «Космос» использовался для розничной торговли. Комплекс Лужники, как отметил мэр Москвы С. Собянин, «является олимпийским спортивным символом России и столицы, и он вдруг оказался в частных руках, причем практически за бесценок» [6, с. 5]. Он превратился в рынок. Правительство г. Москвы снова выкупило этот символический объект, чтобы вернуть ему прежнее значение.

них выступают: в территориально-пространственной сфере – сбережение природы, территориальная идентичность (любовь к «малой родине»); естественно-антропологической – любовь супругов, детей и родителей, традиции уважения к старшим, охраны детства, сплоченность земляков. В духовно-культурной сфере – стремление к знаниям, гордость за местную и отечественную культуру, почтение к истории Отечества, своим (и чужим) святыням; в агентно-профессиональной – трудолюбие, изобретательность, соревнование, профессиональное мастерство, кооперация. Все эти ценности стимулируют первичную сетевую солидарность.

В свою очередь, на жизнесферные ценности опираются системные символы-добродетели – символы солидарности нации, образующиеся путем приписывания национальным образам позитивных ценностей – гражданственности, патриотизма, доблести, законопослушности, взаимопомощи, соучастия. Они ориентируют партикулярные статусные символы на интеграцию в символьную систему общества. Образующая таким путем коммуникация – важнейший элемент символьной системы. Государственная (региональная, муниципальная) символьная политика направлена на закрепление официальных и неофициальных, национальных и местных символов в конституционном пространстве с помощью интерпретации и правил (моральных, религиозных, традиционных, юридических).

Так, символьная политика поддерживает правила поведения для воспроизводства первичных благ повседневной жизни, способствует становлению их как жизнесферных ценностей, символов-добродетелей, элементов национальной идеи, национальных символов, Конституции. С другой стороны, артикуляция национальной идеи, Конституция помогают выстраивать иерархию знаков, наполнять их национально ориентированными смыслами, вырабатывать идентификационные ресурсы для дистанцирования (сближения) во взаимодействии с универсальными (космополитическими) символами.

Символьная политика объединяет идеи, символы, ценности в идеологии, выступающей как «платформа» для конституционализации национальных интересов. Если символьная политика развивается нормально, то символы разных уровней связаны в символьной системе общества и государства и, образуя иерархию, восходят к национальной идее и Конституции.

Диалектика «внешних» и «внутренних» аспектов национальных интересов

Начало осознания связи символьной политики и конституционализации национальных интересов относится к раннему периоду Нового времени. Становление государственного суверенитета требовало замены или реконструкции королевских символов в соответствии с суверенитетом народа (нации) и определением места народов в международных отношениях². Народы реализовывали идею нации-государства или империи, что требовало выражения национальных интересов в символах и правовых принципах.

² Появившееся в середине XVI в. понятие «государственный интерес» являлось «отражением перехода для Запада политической формы королевства к современной монархии юристов» [2, с. 319].

Символотворчество в процессе конституционализации национальных интересов содействовало усилению значения идеологии, включению мифа в политику и право, становлению «больших нарративов» и национальной юрисдикции на территории. Интерес элит к использованию символов в конструировании национально-государственной идентичности и правосубъектности проявился уже в Реформации и Контрреформации [32]. Революции в Нидерландах, Англии, Франции, освободительная война в Северной Америке, войны Наполеона и против Наполеона – все это ускорило формирование государственных империй. Коллективное самоутверждение народов в отношениях с «чужими» воспринималось как некий коллективистский вид свободы («национальной свободы») [28, с. 215] – ценность, воплощающаяся в национальных (имперских) символах.

А это в значительной степени зависело от взаимодействия внешнеполитических («внешних») и внутривнутриполитических («внутренних») факторов. Причем «вес» этих факторов был разным. Одни государства утверждали национальные интересы в основном через внешнюю политику: включение в военные союзы (Австрия, Англия, Франция, Россия, Пруссия), освоение новых территорий (Испания, Португалия, Англия, Россия, США). Во Франции поражение во франко-прусской войне, аннексия Эльзаса и Лотарингии способствовали глубокому анализу национальной идеи и доктрины нации [33, с. 33]. Некоторые государства стремились к изоляционизму, делая приоритетом внутреннюю политику (Швейцария, США)³. И.Г. Фихте в работе о замкнутом торговом государстве обосновывает символы немецкого национализма. В Италии национальные интересы полнее всего выражались в освобождении страны, что зависело от ее объединения, потому Гарибальди и король Виктор-Эммануил стали национальными символами.

В США определяющую роль в конституционализации национальных интересов сыграл символ границы (фронтира). Образы «героя границы» (охотника, мигранта, ковбоя) как символы сопровождали освоение новых земель и экспансию на соседние государства. Это имело политико-правовое оправдание. При становлении США обострялись внутренние противоречия между демократией, оживлявшей плюрализм и конфликт «большинство – меньшинство», с одной стороны, а с другой – единством нации, Конституцией федеративной республики. Символы расширяющейся территории помогали разрешать противоречие [12, с. 138]. В разные периоды изоляционизм США причудливо сочетался с американским национализмом и унилатерализмом, атлантической гегемонией и мессианизмом [14, с. 5-6].

В России доминировала «внешний» фактор национальных интересов (военные союзы, оборонительные и освободительные войны, присоединение территорий). Справедливые войны спланивали народ, становились символом национального освобождения (на Балканах еще чтят памятники российским воинам). Но доминанта «внешнего» фактора приводила к обострению внутренних противоречий, кризисам, революциям. Кавказские войны оставили

³ Ф.-Д. Рузвельт в инаугурационной речи заявлял: «Хотя наши международные торговые отношения крайне важны, но в настоящее время они вторичны в сравнении с необходимостью создания основ прочной национальной экономики» [7, с. 154].

после себя символы (памятники полководцев), до сих пор воспринимающиеся населением неоднозначно, что осложняет сохранение целостности государства и конституционного порядка. Русско-японская война способствовала началу революции 1905-1907 гг.; последняя сопровождалась конституционализацией парламентаризма и политических партий. Первая мировая вылилась в Февральскую и Октябрьскую революции, гражданскую войну.

Шло постепенное стирание раздела между «внешним» и «внутренним» аспектами национальных интересов, чему способствовали декларации ООН, Хельсинкское соглашение 1975 г., затем преобразования в СССР, Восточной Европе. Под воздействием универсальных символов (демократии, прав человека, прав народов, открытости) обозначилось острое противоречие национально-государственной идентичности с региональными и этнократическими контридентичностями. Выяснилось, что символ Красное знамя Победы вызывает неприязнь в республиках Прибалтики, Западной Украине. В Грузии была поднята на щит Конституция 1921 г. «Открытость миру» усилила плюрализм профессиональных, региональных, этнонациональных интересов, вступивших в конфликт с формированием общей воли в Конституциях⁴.

В глобализации взаимопроникновение «внешнего» и «внутреннего» факторов достигло нового качества: реконструируются государственный суверенитет и международные отношения, появляются зачатки космополитического права, ставящего символы прав человека и народов выше, чем суверенитет государств и невмешательство во внутренние дела. Отражением такой реконструкции стало содержание части 4 статьи 15 Конституции РФ 1993 г., а также ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН.

Национальные интересы, национальная безопасность, универсальные символы

Как взаимодействуют универсальные и национальные символы в конституционализации национальных интересов? Анализ внешней и внутренней политики свидетельствует о том, что это зависит от усиления (ослабления) корреляции национальных интересов и национальной безопасности под воздействием экспансии универсальных символов.

В эпоху «холодной войны» национальные интересы связывались с символами «внешней» национальной безопасности, ставшими сердцевиной государственных идеологий, движений за мир, что отразилось, например, в советских Конституциях. Серьезным шагом к усилению влияния универсальных символов стали итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.). Активизировались правозащитники в социалистических странах, например Хельсинкские группы.

Однако до начала «перестройки» национальные интересы и безопасность для большинства населения в СССР еще соотносились достаточно четко с символами «освобождения человечества» на фоне «образа врага» («империализма США» и НАТО). Символы мирного созидания (в частности, памятники

⁴ О таком типе социальной напряженности писал Ш. Эйзенштадт [29, с. 33].

«Перекуем мечи на орала», «Рабочий и колхозница», «Покорителям космоса») органично сочетались с символами «силового сдерживания» («ядерное оружие», «ракеты», Берлинская стена).

В «перестройку» многое меняется. Символы «нового мышления» как расширения возможностей развития СССР [27, с. 40-45] затмевают символы «холодной войны»⁵. «Новое мышление» делало упор на универсальные (общечеловеческие) ценности демократии и прав человека, что приводило к заметному расхождению национальных интересов и «внешней» национальной безопасности, отразилось и в содержании поправок в Конституцию СССР 1977 г. Значительную роль в таком расхождении сыграла борьба Б.Н. Ельцина против М.С. Горбачева, выглядевшая как стремление ускорить радикальные реформы, а на самом деле разрушавшая баланс реформ и национальной безопасности⁶. Крушение Берлинской стены, согласие на вывод войск из Восточной Европы и сокращение «ракет», дискредитация КГБ – все это развенчивало символы «внешней» безопасности СССР, разотождествляло их с национальными интересами. Такому расхождению способствовал асимметричный характер сотрудничества СССР с США в период перестройки⁷.

В проекте Конституции России 1991 г. упоминались «государственные интересы», но внимание акцентировалось уже на внутренней безопасности (безопасности граждан, человека, общества и государства, защите конституционного строя) [20]. Заимствовались западные институты, но не реально, а как метафоры, так как для заимствования не было необходимых условий⁸; параллельно разрушалась система национальной безопасности России. На фоне разрушенной финансовой системы России доллар США (важнейший символ) заменял рубль на ценниках. Руководство России, в том числе под влиянием западных экспертов, эклектично соединяло символы национальных интересов с правами человека, демократией и открытостью⁹.

---

⁵ В докладе на XIX конференции КПСС (1988) говорилось, что угрозу ядерной войны удалось отодвинуть благодаря новому мышлению.

⁶ В решающий момент на встрече лидеров стран «семерки» 16-17 июля 1991 г. (с участием М.С. Горбачева) Дж. Буш-старший, несмотря на возражение М. Тэтчер, призвал «семерку» не поддерживать СССР. Сказалось влияние группы Гейтса – Чейни, делавшей ставку на Б.Н. Ельцина и разрушение СССР. Б.Н. Ельцин в американском конгрессе 30 января 1992 г. заявил, что это он принес американской элите победу [11, с. 31, 41, 43].

⁷ Как отмечал М. Рожански, работавший в комиссии Шульца-Шеварднадзе, возникла асимметричность в работе: «американцы давали советы относительно реформ, а россияне эти реформы проводили» [22, с. 30].

⁸ Права и свободы человека, демократия, выборы и т.п. институты в незападных странах воспринимались как символы, вписанные в универсальные мировые тренды. Г. Блюменберг представляет такое восприятие как следование метафоре: «Наша “абсолютная метафора” обнаруживается здесь как *перенесение рефлексии* о предмете созерцания на совершенно иное понятие, которому, вероятно, никогда не сможет прямо соответствовать никакое созерцание» [31, с. 11].

⁹ В работе комиссии Гор – Черномырдин США рассматривали любые инвестиции в Россию через политическую призму (переход от однопартийности к многопартийности, от плановой экономики к рынку), а не с точки зрения реальной полезности проектов [21, с. 42]. Следует сказать и о поправке Джексона-Вэника, которая оставалась неотменной, хотя основания для ее применения отпали уже в 1990-1991 гг.; она действует как символ, напоминающий российской элите об отложенных возможностях санкций со стороны США.

Под влиянием премьер-министра Е.М. Примакова начинается восстановление образа России, сдерживающей гегемонию США: разворот над Атлантикой направлявшегося в США самолета с правительственной делегацией (в знак протеста против натовских бомбардировок СФРЮ), намечавшаяся поездка правительственной делегации во главе с А. Маслюковым в Малайзию, отказавшуюся ранее от плана МВФ. Испытав удары сепаратизма, государство активизировало демонстрацию связи национальных интересов, национальной безопасности и территориальной целостности.

В.В. Путин усиливал символизацию национальных интересов вкуче с национальной безопасностью: укрепление образа «единой» державы, борьба с сепаратизмом, возобновление военных парадов на Красной площади и военных учений, подготовка похода военных кораблей в Латинскую Америку, акция «Гвардейская ленточка», введение звания «Город воинской славы»¹⁰, жесткая речь в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Рост цен на экспортную нефть создавал финансовую основу такой символизации. Происходило сближение национальных интересов и внешней национальной безопасности; один из ресурсов их легитимации и конституционализации – ностальгическое оживление советских символов. Наметилась определенная напряженность по отношению к универсальным (космополитическим) символам. Усилилось давление на правозащитные НКО, финансировавшиеся из-за рубежа. Одновременно изменилось соотношение государственного и народного суверенитетов (процедура выборов глав субъектов РФ, ограничения в проведении федерального референдума, «порог» прохождения партий в парламент – 7% голосов избирателей). Административный ресурс обеспечивал доминирование символики правящей партии, поддерживающих ее объединений.

В свою очередь, нынешний Президент РФ А.Д. Медведев отдает должное парадом Победы на Красной площади, вручает советские награды, сейчас нашедшие живых ветеранов, присваивает звания «Город воинской славы». Но наметился отход от «ностальгирующей» политики. Показательна позиция в отношении польского символа Катыни [15]. Лояльнее стала политика по отношению к США, НАТО, ЕС (позиция в отношении «гуманитарной интервенции» НАТО в Ливии, контрастирующая с высказываниями В.В. Путина). Стимулируется переключение внимания с «внешних» аспектов на «внутренние», с советских символов на другие знаки, способные стать новыми символами, что заметно в риторике обращения «Россия, вперед!», Послании Федеральному Собранию 2010 г. Демонстрируется прогрессизм, показывающий связь национальных интересов с новой (постсоветской) основой – экономической и технологической модернизацией (символ Сколкова, визит губернатора Калифорнии А. Шварценеггера со специалистами из Кремниевой долины США, посещение лаборатории Касперского, других центров инноваций, встречи с блогерами, обсуждение с ними авторских прав и хакерской атаки на «Живой журнал»).

¹⁰ Учреждено Федеральным законом от 9 мая 2006 г.

Значение символической и нормативной защиты национальных интересов

Модернизация в России не может, как, например в Китае, акцентироваться только в технологической и экономической сфере: другое состояние политической и правовой систем, идеологии, местных, национальных и космополитических символов, безопасности, территориальных асимметрий, этнонациональных противоречий. В России значительны силы, проповедующие этнонациональный и региональный сепаратизм, вдохновляемый символами традиционализации и национализма (Северный Кавказ, Якутия, Тыва), модернизации и универсализма (Калининградская обл., Карелия, Дальний Восток). Растут угрозы экстремизма. Россия страдает от тяжелых диспропорций (неравномерного размещения знаков, отдаленности центральных символов от окраин) в символическом пространстве страны.

В этих условиях модернизация неизбежно затрагивает область идеологических и политико-правовых аспектов национальных интересов. Модернизационная элита, опираясь на секуляризированные символы правовой легитимности и политической эффективности, тем не менее, остро нуждается в идеологизированных объединяющих символах; иначе происходят «срывы модернизаций» [30]. Иначе модернизация усиливает партикулярные интересы разных социальных групп, регионов и этносов.

Опыт СССР и России показывает значение баланса универсальных и отечественных, «внешних» и «внутренних» аспектов национальных интересов. О.А. Кармадонов обоснованно призывает к разработке проблем социокультурной безопасности социума, выражаемой в терминах «символическая вооруженность», «символическое оснащение», «развитость символических систем»¹¹. Что касается универсальных символов прав человека, ученые отмечают относительность возможного заимствования в связи с ригоризмом их интерпретации: «Претензия прав человека на универсализм и абсолютность предполагает, что они беспредпосылочны, не нуждаются в дальнейшем обосновании и образуют самую систему ценностей западного человека и западной политики – неразменность, несменяемость, оставаемость на верху иерархии ценностей независимо от смены ситуаций»¹².

Трудность их рецепции вытекает также из нарушения диалектики общего и особенного, что небезобидно для национальных интересов. «...Философские идеи, которые питают рассуждения о правах человека, на практике исходят из такого образа человеческой природы, который якобы является общим

¹¹ «Для того чтобы общество выступало... не пассивным реципиентом социокультурной глобализации, необходимо, чтобы в нем были осознаны и четко артикулированы собственные приоритеты и интересы в данной сфере. А для того, чтобы оно могло стать и субъектом данного измерения глобализационных процессов, необходимо, чтобы собственные символические комплексы были хорошо структурированы, в полной мере институционализированы и были, в известном смысле, достаточно агрессивны» [10, с. 29-30].

¹² Две конференции в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке вынесли резолюции против универсалистской трактовки прав человека, но всемирная конференция по правам человека в Вене в 1996 г. подтвердила идею универсальности прав человека. Идея прав человека включена в политические и дипломатические калькуляции и спекуляции, т.е. выступают как доминирующая ценность на политическом рынке [8, с. 351].

для всех людей, независимо от поверхностной разницы в возрасте, поле, расе, верованиях, условиях жизни и т.д., т.е. из сущностного равенства, свободного от пространственно-временных акциденций... общему здесь приписывается не просто надкультурный, но естественный, сущностный статус» [24, с.12].

Конституция России 1993 г. и символическая политика в 1990-е гг. в значительной степени заимствовали универсальные символы в ущерб национально-государственным. Поэтому права человека в Конституции РФ слабо коррелировались с принципами-ограничителями, важными для конституционализации национальных интересов. А таких ограничителей немало, например, в Конституциях Италии («безусловные обязанности политической, экономической и социальной солидарности», «добрые нравы», «обязанности, установленные законом в общих интересах», «гражданский долг», «обязанность верности Республике»; «частная хозяйственная инициатива... не может развиваться в противоречии с общественной пользой или ущербом для безопасности, свободы, человеческого достоинства»), Германии («конституционный порядок», «права других лиц», «нравственный закон»), Японии («злоупотребление свободами и правами», «постоянная ответственность за использование их в интересах общего благосостояния»). В России же заимствование привело к сильному расхождению юридического и политического значений Конституции РФ, затруднило выработку новой символической системы.

Односторонние ориентации на символы прав народов способствовали появлению элементов гербов, норм конституций отдельных субъектов РФ, разрушающих идентификационную целостность России, нарушающих баланс изменчивости и преемственности в символической системе. Выстраивание символического обеспечения государства осложнялась идеологическими «разрывами» общественного сознания 1917 и 1991 гг., некорректной интерпретации исторических событий. Все это обусловило сильное влияние на россиян идей и символов космополитизма, оттеснявшего цивилизационную и национально-государственную идентичность. Космополитическая идентификация при внедрении западных универсалий в сочетании с партикулярными интересами способствовала формированию символов, подрывающих конституционализацию национальных интересов.

Тем не менее по мере становления статусных символов разных российских территорий, корпораций, физических лиц проявилась значимая потребность в стабильности, а вместе с ней в национальной идее и доминанте позитивных символов, защищающих национальные интересы. Но в конце 1990-х гг. в России образовался вакуум позитивной символики: не были еще утверждены даже государственные символы (флаг, герб, гимн).

Достижения и задачи символической политики в России

Исходя из вышеизложенного цель символической политики можно определить как формирование символической системы, способствующей целостности государства и позитивному развитию общества, для чего поддерживаются символы-добродетели, их связь с жизненными сферами, национальной идеей и Конституцией, национальными интересами и безопасностью.

России понадобилась политическая воля лидера, непосредственно не связанного в памяти людей с реформами 1990-х гг., что помогло в начале 2000-х гг.

сгладить дисбаланс космополитических и национальных символов. В обращении к Федеральному Собранию (2000 г.) В.В. Путин вернул в официальный лексикон понятие «социальная справедливость». Затем, особенно с 2004 г. (второй срок президентства), начинает выстраиваться ряд ценностей консолидирующего характера, которые отмечены Президентом РФ в качестве такого же важного фактора развития государства, как политическая и экономическая стабильность [18]. Дискурс о фундаментальных ценностях приобрел устойчивость и концептуальность. Относительной удачной стала комбинаторика государственных символов в начале 2000-х гг., когда в символическом комплексе соединились имперские, советские и постсоветские символы.

Определенную роль в этом направлении играет политико-правовая геральдика, приводящая в порядок визуальный и нормативный «остов» национальной символической системы. Специалисты справедливо отмечают, что утверждение государственных символов России, официальных символов субъектов РФ и муниципальных образований знаменует обретение Россией определенного уровня становления государственности, ее идеологического оформления, отражает стратегию политико-культурного курса России, преемственность историко-культурных традиций россиян [25, с. 3].

Геральдические особенности государственных символов описываются в конституционных законах и приложениях к ним; описывается также смысл символов, затрагивающий национальные интересы. Федеральные конституционные законы регулируют и порядок закрепления символов (вариантов их исполнения) за органами государственной власти и местного самоуправления, размещения их на зданиях, бланках, что предполагает влияние символов на правосубъектность данных органов, символическую иерархию [17].

В 2000 году в России была принята «Национальная доктрина образования», согласно которой государство взяло на себя обязанность воспитывать молодое поколение в духе высокой нравственности, патриотизма, гражданской ответственности, правового самосознания и духовности [16]. Важным направлением совершенствования системы патриотического воспитания стала разработка Концепции патриотического воспитания граждан России и государственных программ популяризации государственных символов России (на 2001-2005, 2006-2010, 2011-2015 гг.), где подчеркивается их значение в формировании общей системы нравственных ориентиров, идеологии и духовного единства народов России, самобытных культурных ценностей [4].

Символическая политика должна способствовать преодолению раскола российского общества на группы с противоположными интересами, территории, конфликтующие с федеральным центром, формированию идеологии, объединяющей политические силы, слою населения на основе фундаментально значимых ценностей. В Посланиях В.В. Путина и Д.А. Медведева к Федеральному Собранию ставилась задача возвышения фундаментальных ценностей, преодоления раскола страны на путях реализации общей цели, реализации политической формулы «демократические ценности, помноженные на национальные интересы».

России предстоит достроить и укрепить систему объединяющих общество символов под эгидой национальной идеи. Смысл ее – сбережение автохтонных

народов и новых соотечественников на целостной территории России, их телесного и морального здоровья, духовности, агентности (трудопособности, трудолюбия, профессионализма, предприимчивости и инновационности), необходимых для успешного социального, гуманитарно-правового, научно-технического, экономического развития. Величие России означает способность обеспечить благосостояние ее народов, процветание великой культуры, национальную безопасность и территориальную целостность.

В России возникает острая потребность одновременно: а) сохранять, усиливать, а где-то восстанавливать стремление населения и региональных элит к солидаризации; б) создавать социальную базу модернизации; в) обеспечивать авторитет государственной власти в целом и самого Президента РФ как гаранта целостности и развития России; г) поддерживать национальную безопасность. Поэтому параллельно с вниманием к технологической и экономической сторонам модернизации, Президент РФ пытался осуществить «символьный прорыв»: антикоррупционный план, переименование милиции на «полицию» и перестройка МВД, вскрытие нарушений во всей правоохранительной системе. Делаются шаги к сбалансированию народного и государственного суверенитетов: изменение избирательной системы с тем, чтобы внепарламентские партии имели больше шансов пройти в Государственную Думу, заявление об изменении порядка формирования Совета Федерации, возможном переходе к выборам губернаторов населением субъектов РФ.

Но речь должна вестись о формировании всей символьной системы. Чтобы партикулярные статусные символы были связаны с жизнесферными ценностями, системными символами-добродетелями и государственными символами, необходимо разъяснить и показать значение этой связи, соотнести национальные символы с универсальными. Государственной и муниципальной властям (Президенту РФ в первую очередь), предстоит сказать веское слово в ряде знаковых процессов современности. Заслуживает внимание и обозначение отношения к универсализму, за который нередко выдаются унитаризм США и глобализм НАТО.

Так, в серьезной защите нуждаются жизнесферные институты, воспроизводящие «народное» символотворчество. Это защита «карты» России – воссоздание в актуальном сознании ценности мест и территории государства в целом, рационального природопользования, предотвращения пожаров лесов – всего, что останавливает обесценение пространства мест¹³. Это поддержка самой «жизни»: защита семьи, сокращение насильственной преступности, снижение смертности, повышение рождаемости, миграционная политика

---

¹³ Встречаются неофициальные карты, где отсутствует Калининградская область, Курилы, Сахалин. Глобализация приводит к расхождению пространства мест и пространства потоков (М. Кастельс, З. Бауман), когда деньги (инвестиции) и специалисты уходят в большие города и за рубеж, а маленькие города и села обречены на прозябание. Ослабление символа «карты» связано также с необходимостью виз на «материк» (Калининградская обл.), «разрывом» территорий из-за дороговизны услуг транспорта, почты и связи, состояния дорог, коррупции при их строительстве и ремонте. В.В. Путин создал некий символьный прорыв, проехав по дороге на Дальнем Востоке. Принципиальной проблемой стала судьба олимпийского Сочи как национального символа, способного как позитивно изменить географию концентрации символов, так и вырождаться в крупное разочарование.

для равномерного заселения мест. Это защита отечественной истории от фальсификации, а памятников истории и музеев – от разрушения и наступления коммерциализации¹⁴. Это поддержка труда и предпринимательства – спасение народных промыслов, создание и модернизация рабочих мест¹⁵, повышение квалификации работников, поддержка профессионалов, помощь малому и среднему бизнесу, борьба с коррупцией, убивающей «на корню» инновации и профессионализм. Только при спасении жизнесферных ценностей россиян наполняются смыслами символы-добродетели, Конституция РФ, государственные символы, другие символы солидаризации, а следовательно, и конституционализация национальных интересов.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 286 с.
2. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008. 552 с.
3. *Говорухин Г.Э.* Символическое конструирование социального пространства осваиваемого региона (социологический анализ): автореф. дис. ...д-ра социол. наук. Хабаровск, 2009. 48 с.
4. *Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы» [Электронный ресурс]:* утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 11 июля 2005 г. № 422. URL: <http://base.garant.ru/188373/> (дата обращения: 01.05.2011).
5. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. 764 с.
6. *Егорова Н.И.* Изоляционизм и европейская политика США в 1930-е годы: кризис традиционализма // Новый взгляд на историю США. Американский ежегодник. М., 1992. С. 152-174.
7. *Журенков К., Барышева Е., Епифанова М.* Без базара // Огонек. 2011. № 21. С. 5-6.
8. *Ионин Л.Г.* Социология культуры путь в новое тысячелетие. М., 2000. 431 с.
9. *Капустина З.Я.* Гражданственность как ценность российской культуры: автореф. дис. ...д-ра культурологии. М., 2008. 51 с.
10. *Кармадонов О.А.* Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29-41.
11. *Кувалдин В.Б., Бессмертных А.А., Rogov С.М.* Выступления на презентации книги «Отвечая на вызов времени: внешняя политика перестройки» // Горбачевские чтения. М., 2011. 168 с.
12. *Кушнер Г.* Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США. Американский ежегодник. М., 1992. С. 136-151.
13. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 6-232.

¹⁴ Яркие примеры коммерциализации – Бородинское поле, застраиваемое дачами; усадьба Архангельское, территорию которой хотят уменьшить с целью коммерческой застройки.

¹⁵ В.В. Путин, выступая на Заседании Международной организации труда в Женеве 15 июня 2011 г. отметил, что намечается создание и модернизация 25 млн рабочих мест.

14. *Ливен А.* Борьба за душу Америки // *Internationale Politik*. Америка 2004. М., 2004. № 5. С. 4-18.
15. *Маслов О.Ю.* Символ «Катынь» и «мягкая сила» России (Символы и знаки XXI века – часть 19.) URL: <http://www.polit.nnov.ru/2010/04/02/softpowerRosKat/> (дата обращения: 23.04.2011).
16. *Национальная доктрина образования* // Официальные документы в образовании. 2001. № 9.
17. *О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: Федер. конституц. закон от 28 дек. 2010 г. № 8-ФКЗ* // Рос. газета. 2010. 30 дек.
18. *О деятельности музеев образовательных учреждений* [Электронный ресурс]: письмо Министерства образования Рос. Федерации от 12 марта 2003 г. № 28-51-181/16. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63079/#p6 (дата обращения: 25.04.2011).
19. *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации* // Рос. газета. 2007. 27 апр.
20. *Проект Конституции Российской Федерации*. М., 1991. 96 с.
21. *Пуликова И.В.* Отраслевые корпоративные музеи России // *Россия и современный мир*. 2010. № 3. С. 217-221.
22. *Рожански М.* Незаменимые институты. Комиссия Обамы – Медведева и 50 лет американо-российского диалога / Пер. с англ. М., 2010. 150 с.
23. *Розов Н.С.* Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // *Полис*. 2011. № 1. С. 29-41.
24. *Синглтон М.* От социологического знания к признанию прав человека // *Российский бюллетень по правам человека*. 1994. Вып. 3. С. 10-13.
25. *Туник Г.А.* Современная российская геральдика как фактор отражения специфики российского государства: историко-политологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2008. 48 с.
26. *Турен А.* Социальные изменения двадцатого столетия // *Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2, № 4. С. 49–54.
27. *Цыганков А.П.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина. Формирование национального интереса. М., 2008. 286 с.
28. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. 246 с.
29. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. 416 с.
30. *Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2010. № 6 (74). С. 42 – 67.
31. *Blumenberg H.* Paradigmen zu einer Metaphorologie. Frankfurt a.M., 1998. 199 S.
32. *Mörke O.* Die Reformation. Voraussetzungen und Durchsetzung. München, 2005. X, 174 S.
33. *Schnapper D.* La France de l'integration: sociologie de la nation en 1990. P., 1991. 374 p.
34. *Wolfrum Edgar* Krieg und Frieden in der Neuzeit Vom Westfälischen Frieden bis zum Zweiten Weltkrieg. Darmstadt, 2003. VIII, 156 S.